

Опять у Бутманов сбежала последняя электричка

ТБ Париж - 2000 - 13 апр. - с 8-10, 12

женитьбу я уже рассказывал, вторая тоже была скорее хитростью. В восемнадцать лет я встречался с одной американкой. А когда мне было уже двадцать четыре, она неожиданно приехала в Москву и говорит: «Давай жениться!» Я тогда, во-первых, был уже женат, а вторых, не был уверен, что хочу на ней жениться. Но потом мы с Дилором решили, что уже можно и разойтись. Так у меня появилась возможность поехать в Америку. Со второй женой я прожил два с половиной года. Ругались постоянно, первый год в Америке был очень тяжелым, ностальгия страшная, и свое плохое настроение я вымещал на ней.

— Правда, что ты часто говоришь: «Если бы я не стал музыкантом, я бы стал бандитом»?

— Я очень хочу быть добрым, вежливым, извиняться все время, улыбаться, но не всегда удается. Часто приходится быть жестким, даже жестоким. Бывает, так заносит на поворотах, что хочется кого-нибудь убить. Думаю, если бы не был музыкантом и попал бы в другую среду, вполне мог стать и бандитом.

— При твоём статусе можешь позволить себе подражаться?

— Вот подрался же два года тому назад. Кажется, в ресторане «Прага» со звукорежиссером этого заведения. Мы приехали уставшие, самолет задержался на сутки. Я включил усилитель, а он говорит: «Так не включаешь!» Я объясняю: «Ну, у тебя же звук не идет!» А он свое — и ко мне неуважительно обратился. Я ему: «Ты сам такой!» Он мне: «Да я вас знаю, да вы все такие крутые только на словах». — «Ну, давай, тогда после концерта разберемся», — отвечаю. Отыгра-

ли первое отделение, звукорежиссер, видимо, думал, что все, и заявился, мило улыбаясь. Думаю, наверное, музыка ему понравилась, сейчас обнимемся. А мне в лицо — кулак. Я увернулся, мы сцепились. «Ты что, с ума сошел?» — говорю. — Я ж тебе сказал, после концерта!» — «Так кончился же!» — «Это только первое отделение!» Отыгрываем второе. Он опять: «Ну что, все?» — «Чувак, у нас еще джем-сейшн, давай после!» В первом эпизоде он на мне рубашку порвал чуть-чуть, а теперь, смотрю, совсем бешеный стал: конек-горбунок какой-то, рвется в бой! Встал в позу каратиста, попытался ударить меня ногой, я ему расквасил лицо, нас снова разняли. Так

он опять пришел, после джем-сейшна, в слезах, в истерике и начал качать права, что я что-то не то нажал. Но в конце концов помирились, выпили и расстались друзьями. А американцы даже ничего не поняли: «Какой у тебя веселый товарищ!»

— Ты ревнив?

— В общем, да. Но Оксана мне не дает поводов. Это еще одно ее хорошее качество. Есть девушки, которые любят строить глазки твоим друзьям. Оксана — никогда. Я могу какие-то глупые вопросы задавать, когда мы ругаемся. А если у нас все хорошо, меня ничего не волнует: ни с кем она встречается, ни куда поехала.

— Сдал Оксану. Она сказала, что ты ничего не делаешь по дому. Так?

— Ну-у, посуду мою. Завтрак себе готовлю. Ужин. Ну, из того, что есть. В смысле — в холодильнике лежит. Обедом кормит меня Оксана. Но я такой неприхотливый...

— С сыном много времени проводишь?

— Много не удастся. Иногда хочется его поучить, но он настолько шибутной! Ему интереснее в машинки поиграть. Несколько раз мы с ним гуляли, в хоккей играли, в футбол... А про-

водить с ним время, как Оксана, не получается.

— На гастроли его не берешь?

— Нет, это ответственно. Даже Оксана не всегда ездит со мной, хотя я очень хочу, чтобы ездила.

— Многие-то уверены, что музыканты жаждут на гастролях отдохнуть от семьи...

— Мне хочется, чтобы было, как в моем любимом мультфильме «Бременские музыканты». Чтобы со мной ездил любимый человек, с которым всегда можно чем-то поделиться.

— У тебя квартира в Нью-Йорке, там мама и брат, квартира в Москве. Живешь на два дома. Где больше?

— В Москве. Здесь легче: все немножко дешевле, не надо постоянно думать, как заработать на то, на се. Сейчас, приезжая в Нью-Йорк, я чувствую себя спокойнее, чем раньше, когда жил там постоянно. Теперь иногда могу слетать на концерт в Нью-Йорк всего на день. Этот город у меня в одном ряду с другими гастролями — Ростов, Москва, Тверь, Бишкек. И со стороны американских джазовых звезд ко мне теперь совсем другое отношение. Когда ты в Америке один из выживающих, это одно, а когда ты ни от кого не зависишь, это другое.

— Опять спрошу про Клинтона и Путина. Этой весной, когда тебе пришлось выступить перед двумя президентами, ты волновался или тебе уже было все равно?

— Волновался! Выступать перед президентами таких стран — это ж не последнее дело. Представляешь, если бы я плохо сыграл?! Я же русский, какой бы я ни был американец. Сколько бы я ни жил в Америке, я «рашн мьюзишн», хоть застрелись. И я это чувствовал. Мы сыграли блюз, потом мою балладу «Ностальгия», потом «Караван», его исполняют все джазмены. Тут уж Клинтон вскочил, за ним все зааплодировали, потом подошли благодарить, руки жать. Клинтон спросил, как у меня дела. Я спросил, как у него. Сфотографировались. В общем, если бы на месте Путина был Сталин, я был бы уже народный артист.

— А то и Герой Советского Союза.

— Посмертно. (Смеется.) И как минимум полковник.

Репетировать можно везде

Марат Грингауз
Фото Натальи Логиновой
и из архива Игоря Бутмана